

Шекспир. Том I

**Полное собрание сочинений в пяти томах
(Антикварное издание 1902 г.)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Ш41

Ш41 Шекспир. Том I: Полное собрание сочинений в пяти томах (Антикварное издание 1902 г.) / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 597 с.

ISBN 978-5-458-24175-5

Собрание сочинений Шекспира под редакцией С.А.Венгерова, с рисунками в тексте и многочисленными картинами на отдельных листах, выпущено в 1902-1904 гг. Брокгаузом и Ефроном. Пятитомник является полным собранием всего того, что связано с именем Шекспира, т. е. не только того, что ему бесспорно принадлежит, но и того, что ему с некоторой долей вероятности только приписывается. Каждая пьеса снабжена обстоятельнейшими историко-критическими предисловиями и историко-литературными примечаниями. Но главное, что привлекает в издании - это прекрасные и многочисленные рисунки в тексте и на отдельных листах. Дополнительный интерес собранию сочинений придаёт также то обстоятельство, что большинство переводов не знакомо современному читателю. Том I: Два Веронца (переводчик: Всеволод Миллер) Комедия ошибок (переводчик: Петр Вайнберг) Бесплодные усилия любви (переводчик: Петр Вайнберг) Наипревосходнейшая и прежалостная трагедия Ромео и Джульетта (переводчик: Аполлон Григорьев) Усмирение строптивой (переводчик: Петр Гиедич) Король Ричард Третий (переводчик: А. Дружинин) Венецианский купец (переводчик: П. Вайнберг) Сон в Иванову ночь (переводчик: Н. Сатин)

ISBN 978-5-458-24175-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ображеніями, либо слѣдуя какому-нибудь традиціонному пріему старыхъ изданій. Такъ напр. установилась традиція начинать всякое изданіе Шекспира „Бурею“, хотя хронологически „Буря“ одно изъ самыхъ позднихъ произведеній, а по содержанію трудно поддается классификаціи и не можетъ быть причислена ни къ комедіямъ, ни къ трагедіямъ, ни тѣмъ болѣе къ историческимъ хроникамъ. Установилась же такая традиція благодаря тому, что первое собраніе сочиненій Шекспира—знаменитое *in folio* 1623 года начиналось именно „Бурею“.

Въ нашемъ изданіи мы держимся единственного, вполнѣ научного метода—хронологического, при которомъ предъ читателемъ проходитъ вся внутренняя жизнь великаго писателя. Лучше всякой біографіи выясняется при такомъ послѣдовательномъ ознакомленіи исторія его творческаго настроенія—въ началѣ жизни радостнаго, веселаго, бодраго, полнаго вѣры въ торжество идеи даже при величайшихъ несчастіяхъ, и безнадежно-мрачнаго въ концѣ земного поприща, когда углубленіе въ основные вопросы человѣческаго существованія уничтожило всякія иллюзіи и способность къ самообольщенію.

Обдумывая планъ иллюстрацій къ нашему изданію, мы пришли къ решенію отступить отъ обычнаго типа иллюстрированія, который, какъ намъ казалось, даетъ читателямъ значительно меньше того, что можно дать при огромномъ интересѣ къ Шекспиру художниковъ всѣхъ странъ.

Иллюстрированные изданія Шекспира распадаются на два разряда: съ большими количествомъ рисунковъ и съ малыми. Изданія первого типа почти всегда состоятъ изъ текстовыхъ иллюстрацій, рисованныхъ однимъ художникомъ. Таковы извѣстныя иллюстраціи Джильберта, Силуза, изъ новѣйшихъ — Бэйамъ Шоу и др. Основной недостатокъ единоличнаго иллюстрированія — однообразіе. У каждого художника свои особенности: одному удается комическое, другому — трагическое, третьему — аксессуары и т. д. А между тѣмъ иллюстрировать надо моменты самые разнообразные. И вотъ почему даже у такого очень талантливаго иллюстратора, какъ Джильбертъ на одинъ, два интересныхъ и характерныхъ рисунка десятки вялыхъ и безцвѣтныхъ. И во всякомъ случаѣ Шекспиръ, иллюстрированный однимъ художникомъ,

даетъ уже слишкомъ малое представление о томъ, что сдѣлано живописцами и рисовальщиками всѣхъ странъ для художественнаго коментированія великаго драматурга. Безгранична популярность Шекспира привлекала къ нему вниманіе длиннаго ряда талантливыхъ художниковъ. Среди живописцевъ, писавшихъ на шекспировскія темы, мы встрѣчаемъ имена виднѣйшихъ представителей европейскаго искусства. Изъ англичанъ: Рейнольдсъ, Опи, Смиркъ, Гогартъ Анджелика Кауфманъ, Фюсли, Гольманъ Гентъ, Мадоксъ Броунъ, Милазъ, Орчадсонъ, Альма Тадема, Вальтеръ Крэнъ и многіе другие. Изъ французовъ: Делакруа, Жеромъ. Изъ нѣмцевъ: Каульбахъ, Карль и Фердинандъ Пилоти, Гофманъ, Туманъ, Бэкеръ, Стайнле, Макартъ, Габріель Максъ, Менцель, Грютцнеръ. Русскіе художники мало занимались Шекспиромъ, но, всетаки, есть нѣсколько интересныхъ картинъ на шекспировскія темы Константина Маковскаго, Рѣпина и другихъ.

Кое-что изъ сейчасъ названнаго встрѣчается въ иллюстрированныхъ изданіяхъ Шекспира второго типа, дающихъ мало, но зато въ хорошемъ воспроизведеніи въ формѣ гравюръ, фотографіи и геліографіи. Таковы англійскія, чрезвычайно дорогія роскошныя изданія: „Royal Shakespeare“, „Imperial Shakespeare“ и др. Сюда же примыкаютъ альбомы однѣхъ картинъ на шекспировскія темы, безъ всякаго текста: нѣмецкій „Shakespeare Album“, изданіе Гроте; „Neue Shakespeare Gallerie“ Пехта; англійскій—„Graphic Shakespeare“ и другіе.

Послѣ извѣстнаго колебанія, вызваннаго трудностью задачи, мы остановились на решеніи соединить въ одно оба типа. Настоящее изданіе: 1) съ одной стороны, соответствуетъ тѣмъ роскошнымъ изданіямъ, которыя ограничиваются 20—25 картинами, воспроизведенными, на отдѣльныхъ листахъ, гравюрою, фотографію и геліографію. Приблизительно къ каждой изъ пьесъ будетъ дано по одной фото- или геліографіи и, такимъ образомъ, всего, съ портретами Шекспира, въ настоящемъ изданіи будетъ около 45 foto- и геліографій. Кроме того, больше 50 картинъ будетъ воспроизведено на отдѣльныхъ листахъ (на мѣловой бумагѣ) автотипію. 2) Рисунками въ текстѣ, которыхъ нѣть въ вышеназванныхъ роскошныхъ изданіяхъ, настоящее изданіе примыкаетъ къ тѣмъ, которыя даютъ мнози рисунковъ—по нѣскольку сотенъ. Но въ выборѣ этихъ текстовыхъ рисунковъ мы

совершенно отказались отъ мысли ограничиться однимъ какимъ-нибудь иллюстраторомъ и воспроизведимъ все, что появлялось наиболѣе замѣчательного на тѣмы той или другой пьесы.

Такимъ образомъ, настоящее изданіе можетъ быть названо: *Шекспиръ въ иллюстраціяхъ лучшихъ художниковъ* и въ этомъ видѣ представляеть собою первую попытку не только въ Россіи, но и въ Европѣ.

Осуществленіе нашего плана представило очень значительныя затрудненія. Начать съ того, что крайне трудно установить, какія имѣются картины на шекспировскія темы. Въ огромной, безконечно разработанной шекспировской библіографіи, совершенно, однако, нѣтъ сколько-нибудь полныхъ указаний шекспировской иконографіи. Пришлось ихъ *ad hoc* искать въ сочиненіяхъ по исторіи искусствъ, въ словаряхъ художниковъ, въ каталогахъ разныхъ музеевъ и торговцевъ фотографіями и, наконецъ, обращаться непосредственно къ знатокамъ искусства и шекспирологамъ. Кое-что дала намъ коллекція картинъ и рисунковъ, собранная въ Шекспировскомъ музѣѣ (*Shakespeare Memorial*), устроенному на родинѣ Шекспира, въ тихомъ и уютномъ Стратфордѣ на Аvonѣ. Но больше всего мы нашли гравюры и снимковъ разнаго рода въ лондонскомъ Британскомъ музѣѣ, который теперь, послѣ того какъ сильно пострадала отъ пожара бирмингамская шекспировская библіотека, обладаетъ самымъ полнымъ въ мірѣ собраніемъ шекспировскихъ изданій и иллюстрацій на шекспировскія тѣмы. Въ общемъ, не претендуя на то, чтобы намъ удалось ознакомиться со всею иконографіею Шекспира, думаемъ, однако, что все замѣчательное въ этой области не ускользнуло отъ насъ.

Вторая, едва-ли не самая большая трудность,—было достать оригиналы для воспроизведенія. Легко приобрѣсть снимки съ картинъ послѣднихъ двухъ десятилѣтій; совсѣмъ не легко достать снимки съ картинъ, появившихся лѣтъ сорокъ тому назадъ, когда графическое искусство не получило еще такого колоссальнаго развитія, какъ въ наши дни; чрезвычайно трудно достать гравюры и политипажи 1820-хъ и 30-хъ годовъ; и прямо дѣло случая натолкнуться на сколько-нибудь полную коллекцію гравюръ конца XVIII и начала XIX вѣка. Благодаря связямъ лейпцигской фирмы Брок-

гауза и личнымъ поискамъ у лондонскихъ антикваріевъ, намъ удалось въ значительной степени преодолѣть предстаившія препятствія и собрать большую коллекцію шекспировскихъ изданій и рѣдкихъ гравюръ. Но кое-что не удалось достать. Въ этихъ случаяхъ приходилось снимать фотографіи съ музейныхъ экземпляровъ и воспроизводить съ этихъ фотографій.

Въ подписяхъ подъ рисунками и въ примѣчаніяхъ мы даемъ указанія о художникахъ и объ изданіяхъ, которыми мы пользовались. Здѣсь-же мы хотимъ только обратить вниманіе на то, что впервые въ европейской литературѣ въ нашемъ изданіи дана *вся* (около 150 картинъ) такъ называемая *Бойденская Галерея*. (См. о ней въ примѣчаніяхъ къ I т.).

Кромѣ иллюстрацій въ тѣсномъ смыслѣ слова, всякому иллюстрированному изданію приходится заботиться объ орнаментѣ: титульныхъ рамкахъ, заставкахъ, концовкахъ. Намъ захотѣлось внести извѣстное разнообразіе и *поучительность* и въ эту часть нашего изданія, исходя при этомъ вотъ изъ какого принципа. Орнаментика тщательно задуманныхъ иллюстрированныхъ изданій обыкновенно *стилизована*. Если орнаментируется напр. пьеса, дѣйствіе которой происходит въ Италии XV—XVI вѣка, то всякий добросовѣстный художникъ беретъ образцы эпохи Ренесанса и по нимъ компонуетъ. Такимъ образомъ въ лучшемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ добросовѣстнымъ подражаніемъ. Но не лучше-ли, однако, имѣть дѣло съ первоисточниками, съ тѣми образцами, которымъ добросовѣстная орнаментика подражаетъ? Въ силу этого соображенія, мы рѣшили, вмѣсто обычныхъ заставокъ, концовокъ и др. давать либо прямую орнаментику эпохи, либо виды современныхъ зданій, костюмовъ, оружія, утвари и т. д. Въ пьесахъ, мѣсто дѣйствія которыхъ Италія, предъ читателемъ пройдетъ рядъ зданій, видовъ, костюмовъ и т. д. эпохи Ренесанса, въ историческихъ хроникахъ изъ англійской жизни—быть средневѣковой Англіи, въ пьесахъ изъ древней жизни—аксессуары античнаго быта и т. д. При стремлѣніи современного театра къ реальнѣй постановкѣ, эта историческая часть иллюстрацій можетъ быть очень полезной для режисеровъ и декораторовъ.

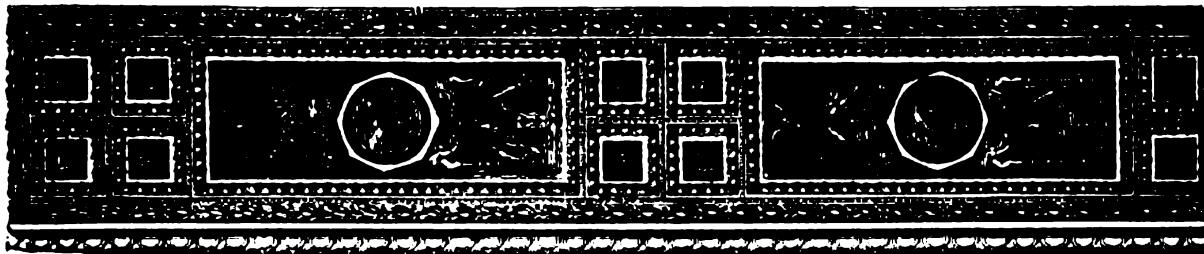
С. Венгеровъ.

• · Д В А · •
• ВЕРОНЦА •

• · КОМЕДІЯ · •
· ВЪ 5ъ ДѢЙСТВІЯХЪ ·
· ПЕРЕВОДЪ · ПРЕДИСЛОВІЕ ·
· ВСЕВОЛОДА МИЛЛЕРА ·

Титульная рамка къ «Двумъ Веронцамъ» илюстрировано англійскою иллюстратора Вальтера
Кране («Eight illustrations Shakespeare's :Two Gentlemen of Verona», by Walter Crane.
London 1894).

Орнаментъ Рафаэлевскихъ ложъ Ватикана.

ДВА ВЕРОНЦА.

Хотя комедия „Два веронца“ („The two gentlemen of Verona“), появившаяся въ печати впервые in folio въ 1623 году, не имѣетъ никакихъ внѣшнихъ фактическихъ указаний на время ея написанія, комментаторы давно уже единогласно признали эту пьесу однимъ изъ самыхъ раннихъ произведеній Шекспира. Уже крупные недостатки въ композиціи ясно говорятъ за ея раннее происхожденіе; на то же указываютъ анализъ стиля и метра, характеръ юмора и явные слѣды вліянія эвфуизма. Поэтому большинство комментаторовъ относятъ эту комедію къ 1591 году, хотя не рѣдко раздавались голоса и за болѣе раннюю, и за болѣе позднюю дату*).

Сюжетъ пьесы показываетъ, что въ это время поэтъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ итальянской и испанской литературы новелль, пользовавшейся широкимъ успѣхомъ въ Англіи, какъ и во всемъ читающемъ обществѣ Европы, увлекавшемся пастушескими романами Рибейра, Саа де Миранда, Санназара и Монтемайора. Въ пьесѣ „Два веронца“ нѣкоторую часть материала Шекспиръ заимствовалъ изъ эпизода о Феликсѣ и Фелисменѣ въ „Діанѣ“ Монтемайора, написанной въ 1542 году (въ подражаніе „Аркадіи“ Санназара) и пользовавшейся огромнымъ успѣхомъ въ теченіе 70 лѣтъ, о чёмъ свидѣтельствуютъ 16 изданій, выдержанныхъ этимъ пастушескимъ романомъ. Искусный въ созданіи характеровъ, Шекспиръ, какъ известно, не отли-

чался изобрѣтательностью въ сюжетахъ и нерѣдко, встрѣчая фабулу или положеніе, имѣвшія успѣхъ у публики и понравившіяся ему, заимствовалъ ихъ, видоизмѣня детали и возвращаясь къ тѣмъ же эпизодамъ иногда по нѣсколько разъ.

„Діана“, въ переводѣ Бартоломью Іонга, появилась въ печати лишь въ 1598 году, но, судя по приложенномъ къ ней предисловію, пролежала въ законченномъ видѣ около 16 лѣтъ и могла быть знакома Шекспиру, переходя въ спискахъ изъ рукъ въ руки, что было въ обычаѣ того времени. Весьма правдоподобно и то предположеніе, что поэтъ пользовался не самой новеллой Монтемайора, а утерянной драматической передѣлкой того же сюжета, именно пьесой, поставленной въ Гринвичѣ, въ присутствіи королевы Елизаветы (въ 1587 году) подъ заглавіемъ „The history of Felix and Phyllis-tene“. Какъ бы то ни было, исторія Протея и Юліи очень близко напоминаетъ исторію Феликса и Фелисмены, и несомнѣнно, что тѣмъ или инымъ путемъ Шекспиръ былъ знакомъ съ этой частью повѣсти Монтемайора. У послѣдняго Фелисмена любить молодого дворянина Донъ Феликса и, разлученная съ нимъ его отцомъ, отославшимъ сына въ другой городъ, переодѣвается въ мужское платье и слѣдуетъ засвоимъ возлюбленнымъ. Прибывъ въ городъ, гдѣ находился Феликсъ, она узнаетъ, что онъ измѣнилъ ей, полюбивъ другую девушки—Целію, и удостовѣряется въ этомъ, подслушавъ ночную серенаду, которую Феликсъ даетъ предмету своего нового чувства. Не узнанная невѣрнымъ возлюбленнымъ, Фелисмена поступаетъ къ нему пажемъ и однажды, по порученію своего

*) За 1591 или еще болѣе раннюю дату стоять Delius Elze, Malone, Furnivall, Hales; за 1595 г.—Drake, Fleay и Chalmers; за 1592 годъ—Hertzberg; за 1592—98—Dowden.

господина, относить къ Целіи любовное письмо отъ него. Дальнѣйшая история является уже въ иномъ видѣ въ „Діанѣ“ и скорѣе напоминаетъ любовныя отношенія герцога, Віолы и Оливіи въ „Двѣнадцатой ночи“. Именно, прекрасная дама плѣняется красотой переодѣтой пажемъ дѣвушки и влюбляется въ нее. Конецъ—трагическій; Целія признается въ любви послу Феликсу и, не находя, конечно, отвѣта на свою страсть, умираетъ съ горя. Феликсъ въ отчаяніи покидаетъ страну и уѣзжаетъ неизвѣстно куда, а Фелисмена отправляется разыскивать своего возлюбленнаго.

Кромѣ исторіи Протея и Юліи, заимствованной у Монтемайора, можно было бы указать еще на отдѣльные моменты пьесы, имѣющіе отношеніе къ другимъ источниковамъ, напр., взятые изъ „Аркадіи“ Сиднея или изъ „Apollonius and Silla“ повѣсти Барнаби Рича (Barnabe Rich)*). Но эти заимствованія очень несущественны.

Что касается главнаго сюжета пьесы, именно исторіи дружбы Валентина и Протея, то, по всей вѣроятности, мы имѣемъ въ немъ замыселъ самого Шекспира, такъ какъ до сихъ поръ, несмотря на тщательные поиски комментаторовъ, не найдено было ни одного произведенія, откуда Шекспиръ могъ бы заимствовать эту тему. Поэтому комедію „Два веронца“ слѣдуетъ признать самостоятельнымъ твореніемъ молодого Шекспира, быть можетъ, первымъ опытомъ на этомъ пути, такъ какъ раньше нашъ поэтъ занимался передѣлкой чужихъ пьесъ.

Вся комедія проникнута тѣмъ параллелизмомъ въ композиції, который является довольно обычнымъ пріемомъ въ раннихъ произведеніяхъ поэта.

Непостоянный Протей противопоставленъ вѣрному въ своихъ привязанностяхъ Валентину, умная и блестящая Сильвія—пышной и нѣжной Юліи, юмористъ Лаунсъ—остряку Спиду, при чемъ слуги по характеру противополагаются своимъ господамъ. То же мы наблюдаемъ въ другихъ пьесахъ Шекспира, каковы: „Безплодная усилив любви“, „Комедія ошибокъ“, „Сонъ въ лѣтнюю ночь“, „Ромео и Джуліетта“. Такая симметричность въ построении указываетъ на вліяніе романскаго искусства съ его стремленіемъ къ ясности, порядку и сим-

метріи, отчасти же можетъ быть поставлена насчетъ неопытности автора. Схематичность въ построениі дѣйствія и группировки характеровъ несомнѣнно продуктъ искусственности, а не органическаго развитія и жизни. Еще неопытный въ первыхъ своихъ твореніяхъ, поэтъ самъ ставитъ себѣ опредѣленныя рамки, стремясь достигнуть единства впечатлѣнія распределеніемъ частей, и считаетъ свое произведеніе непрочнымъ, если ему не служить поддержкой нѣкоторая механическая система, какъ бы заранѣе опредѣляющая ходъ дѣйствія, свойства характеровъ и появленіе лицъ на сценѣ. Впослѣдствіи, когда гений Шекспира окрѣпъ и сталъ все глубже проникать въ истинную суть жизни, онъ самъ отбросилъ такие искусственные пріемы и предоставляя организму драмы развиваться по естественнымъ законамъ, достигая этимъ путемъ высшей неосязаемой цѣльности.

Комедія „Два веронца“—хорошенькая и занимательная пьеса на тему о вѣрной и непостоянной любви и о заблужденіяхъ, въ которыхъ владаетъ охваченный страстью разсудокъ, пьеса хотя и слабая въ сравненіи съ позднѣйшими произведеніями Шекспира, но уже представляющая многообѣщающую работу молодого художника. Интересъ поддерживается не столько органическимъ развитіемъ дѣйствія и характеровъ, сколько отдѣльными прекрасными моментами. Стиль „Двухъ веронцевъ“, особенно въ приподнятыхъ мѣстахъ діалога, указываетъ насильное вліяніе Лилли. Поддаваясь литературному вкусу своего времени, поэтъ пользуется утонченнымъ, галантнымъ языкомъ, вычурными оборотами и эвфуристическими хитросплетеніями, но, быть можетъ, въ этой пьесѣ находятся указанія на то, что Шекспиръ уже начиналъ оцѣнивать по достоинству искусственность „Анатоміи острогумія“ пресловутаго Лилли, бывшего въ то время настольной книгой для людей образованного общества въ Англіи. Такъ, когда Валентинъ въ цѣломъ рядѣ пышныхъ и цвѣтистыхъ фразъ изображаетъ свою любовь къ Сильвіи, Протей замѣчаетъ нанихъ: „Мой другъ, къ чemu напыщенность такая?“ (Д. II, сц. 4-я).

Во всякомъ случаѣ молодому поэту было простительно пользоваться „высшимъ стилемъ“, такъ какъ онъ господствовалъ въ то время во всей европейской изящной словесности и въ разговорѣ высшихъ классовъ. Поэты и ораторы старались искать гипер-

*) См. Von Friesen—„W. Shakespeare's Dramen“ р. 150; Sidney Lee «A life of W. Shakespeare» (1899) р. 53.

болническихъ выражений для чувства, колоритныхъ эпитетовъ, богатыхъ метафоръ, миевологическихъ сравнений и охотно прибѣгали къ каламбурамъ и разнымъ словеснымъ фокусамъ. Но уже въ „Двухъ веронцахъ“, тамъ, гдѣ является самъ Шекспиръ, не разряженный въ мишуре моднаго наряда мы находимъ прекрасныя описанія, истинно поэтическіе образы; уже ясно слышатся звуки прочувствованной єротической лирики, полной гармоническихъ, нѣжныхъ оборотовъ, чувствуется уже истинный юморъ и неподдельная веселость.

Въ „Двухъ веронцахъ“ Шекспиръ впервые избираетъ мѣстомъ дѣйствія Италію, куда впослѣдствіи такъ часто уносилось его воображеніе. Но напрасно стали бы мы отыскивать болѣе или менѣе искуснаго воспроизведенія итальянскаго колорита, который поражаетъ насъ въ позднѣйшихъ пьесахъ: передѣлкѣ „Укрощенія строптивой“, „Венецианскомъ купцѣ“ и „Отелло“. Въ нихъ мы дѣйствительно находимъ столько характерныхъ подробностей и мѣткихъ эпитетовъ, что у многихъ критиковъ невольно явилось предположеніе, нѣ совершилъ ли Шекспиръ путешествія въ Италію. Но въ настоящее время, повидимому, большинство комментаторовъ высказываются противъ такого предположенія. Разсматриваемая пьеса даетъ въ этомъ отношеніи только отрицательныя показанія: поэтъ даже не дѣлаетъ попытки воспроизвести итальянскую жизнь, и немногія подробности изъ быта и природы, которыя встрѣчаются въ пьесѣ, напр., театральное представленіе въ Духовъдень, ручеекъ ласково лобзющій осоку, перемѣнчивый апрѣльскій день—принадлежать гораздо больше Англіи, чѣмъ Италіи. Если бы Шекспиръ побывалъ въ Италіи, онъ, конечно, не могъ бы отправить Валентина въ Миланъ на корабль. Правда, комментаторъ Эльце удосужился найти указаніе, что въ XVI вѣкѣ Верона и Миланъ были соединены каналомъ, но „Шекспиръ“, замѣчаетъ Брандесъ, въ общемъ симпатизирующей гипотезѣ объ итальянскомъ путешествіи поэта, „такъ же мало зналъ эту подробность, какъ то обстоятельство, что въ 1270 г. Богеміи принадлежали нѣкоторыя провинціи, лежавшія на берегу Адріатическаго моря“, хотя, слѣдя Грину, заставляетъ своихъ героевъ въ „Зимней сказкѣ“ причаливать къ Богеміи на кораблѣ *).

Что комедія „Два веронца“ не пользо-

валась большимъ успѣхомъ у публики, видно уже изъ того, что позднѣе, и съ гораздо большимъ успѣхомъ, Шекспиръ пользовался эпизодомъ переодѣванія, напр., въ „Двѣнадцатой ночи“. Туда же перенесъ поэты и многія детали „Двухъ веронцевъ“. Такъ, діалогу между Сильвіей и Юліей, переодѣтой пажемъ, соответствуетъ разговоръ между Оливіей и Віолой, а разсказъ Юліи о собственныхъ страданіяхъ воспроизводится отчасти въ прекрасной сценѣ между Віолой и герцогомъ. Можно указать также на многіе моменты общіе съ другими произведеніями Шекспира. Сцена, гдѣ Юлія спрашиваетъ у Лючетты ея мнѣнія относительно своихъ жениховъ, служитъ какъ бы эскизомъ къ превосходной сценѣ такого же содержанія между Порціей и Нериссой въ „Венецианскомъ купцѣ“. Протей такъ же быстро забываетъ Юлію при видѣ Сильвіи, какъ Ромео свою Розалинду при первой встречѣ съ Джульеттой. Монологи Лаунса (II, 3) и Ланцелота Гоббо въ „Венецианскомъ купцѣ“ (II, 2) близки по своему характеру, а серенада докучнаго жениха (IV, 2) вновь появляется въ „Цимбелінѣ“ (II, 3) *).

Хотя въ „Двухъ веронцахъ“ мы еще не видимъ болѣе или менѣе полнаго развитія характеровъ, однако дѣйствующія лица представляютъ уже значительный психологический интересъ: многіе моменты сквачены и выражены ярко, въ изображеніи чувствъ замѣчается у молодого художника способность индивидуализировать своихъ героевъ, проникать въ глубь человѣческой души. Изъ мужскихъ характеровъ наибольшій интересъ представляеть Протей—натура съ богатой умственной жизнью, слабымъ сердцемъ и изумительной гибкостью нравственностью. Ловкій и изворотливый, одаренный живымъ умомъ, Протей—личность безхарактерная и глубоко эгоистическая; въ логонѣ за наслажденіями и новыми ощущеніями онъ очень неразборчивъ въ приемахъ и средствахъ. Онъ знаетъ тайны любви, обладаетъ єротическимъ краснорѣчіемъ, быстро воспламеняется, но, достигая взаимности, столь же быстро охладѣваетъ. Въ первой сценѣ сентиментально-нѣжнаго прощенія съ другомъ мы уже наблюдаемъ его тонко-организованную натуру. Неувѣренный во взаимности Юліи, онъ погруженъ въ меланхолію и, какъ самъ заявляетъ, „съ умомъ въ раз-

*) См. статью Gisbert Freiherr Vincke «Die beiden Veroneser, als Bühnenstück» въ Jahrbuch der Deutschen Shakespeare-Gesellschaft, B. XXI, p. 149.

*) Брандесъ—Шекспиръ (1899) стр. 181.

доръ свѣтъ весь презираеть, коснѣаетъ въ лѣни, сердце надрываетъ". Но достаточно письма Юліи, чтобы онъ вознесся на седьмое небо и восклицалъ: О, счастье! о, милая черты! о, ангелъ! (Д. I, сц. 3-я) Недолго, однако, продолжается эта игра въ чувство, и скоро Протею приходится поступить въ школу дѣйствительной жизни. Вынужденная разлука съ возлюбленной, впрочемъ, не вызываетъ въ немъ сильного протеста, хотя онъ и прощается съ нею, аффектированно клянясь въ вѣрности. Одного взгляда на Сильвію достаточно, чтобы прежде столь дорогой ему образъ померкъ и новый потокъ страсти увлекъ его, чтобы утерялось всякое различіе между добромъ и зломъ, а нравственные законы потеряли силу передъ жаждой наслажденія. Сознаніе, что онъ поступаетъ дурно, не исчезаетъ въ его анализирующемъ мозгу, и Протей (Шекспиръ рѣзко подчеркиваетъ это свойство) всякими софизмами старается оправдать себя, хотя бы въ собственныхъ глазахъ. Онъ самъ съ нѣкоторою наивностью признается, что станетъ измѣнникомъ другу и возлюбленной и ни передъ чѣмъ не остановится, лишь бы добиться своего; онъ побѣдилъ бы даже искушеніе, если бы это не требовало усилий: но бороться, переламывать себя во имя дружбы и вѣрности—слишкомъ трудно для его неглубокой натуры и является стѣсненіемъ, противъ котораго возмущается его эгоизмъ. И вотъ, подъ вліяніемъ страсти и легкомыслія, онъ отдается во власть охватившаго его потока. Въ результатѣ—цѣлый рядъ низкихъ поступковъ, доносовъ и обмановъ, такъ какъ онъ „самъ себѣ дороже Валентина“, и „любовь во всемъ всегда себялюбива“. Онъ ловко входитъ въ довѣріе герцога, искусно обходится со своимъ соперникомъ Туріо, доноситъ и клевещетъ на друга, чтобы удалить его въ изгнаніе, мастерски ведетъ интригу, тѣмъ болѣе что обстоятельства сами помогаютъ ему; онъ преслѣдуєтъ Сильвію своимъ ухаживаніемъ и когда, наконецъ, судьба отдаетъ на мгновеніе въ его руки беззащитную дѣвушку, готовъ пустить въ ходъ насилие. Наступаетъ развязка: можетъ быть, Шекспиръ хотѣлъ показать, что эта утонченная и влюблчивая натура совершила эти поступки подъ вліяніемъ молодости и ослѣпленія страсти, не будучи порочной на самомъ дѣлѣ, что когда Протей уличенъ своимъ другомъ и видитъ себя во всей нравственной наготѣ, пелена спадаетъ съ его глазъ, уступая мѣсто искреннему раскаянію и сты-

ду; можетъ быть Шекспиръ дѣйствительно хотѣлъ, чтобы эти преступленія молодости и страсти не ставились юношѣ въ грѣхъ и забылись, какъ тяжелый кошмаръ. Во всякомъ случаѣ раскаяніе Протея такъ слабо мотивировано въ развязкѣ, что эти сцены шаблонны и неестественны, а хорошо задуманная фигура испорчена.

Полную противоположность изворотливому и сложному Протею представляетъ его другъ Валентинъ. Онъ написанъ въ болѣе слабыхъ тонахъ, но служитъ Протею какъ бы необходимымъ противовѣсомъ. Это—натура цѣльная, здоровая физически и нравственно, честная и безхитростная. Отличный другъ, готовый на всякия жертвы и не способный по своему душевному благородству понять зла въ близкомъ человѣкѣ, онъ гораздо мужественнѣе, чѣмъ изнѣженный Протей, и со своимъ умомъ, не знающимъ сомнѣній, увлекается внѣшнею діалектикой. Въ противоположность своему женолюбивому другу, Валентинъ смѣется надъ любовью, и насколько Протей мастеръ въ сердечныхъ дѣлахъ и усердно разбирается въ своихъ чувствахъ, настолько Валентинъ далекъ отъ любви, которая должна сама его искать и улавливать. Но настаетъ и его часъ: Валентинъ полюбилъ горячо, искренно и безхитростно. Онъ настолько не догадливъ и неопытенъ, что его слуга долженъ разяснять ему назначеніе письма, написанного имъ самимъ по просьбѣ Сильвіи. Хотя любовь и научаетъ еговздыхать, слагать любовныя вирши и ломать руки, однако онъ не потерялъ голову, какъ Протей, и не лишился своей энергіи. Наказанный за свой дерзкій планъ овладѣть Сильвіей безъ согласія ея отца, герцога, онъ идетъ въ изгнаніе и начинаетъ новую жизнь въ лѣсу, атаманомъ благородныхъ разбойниковъ. Къ сожалѣнію, развязка пьесы прибавляетъ къ довольно опредѣленной фигурѣ Валентина нѣсколько торопливыхъ и совершенно неестественныхъ штриховъ. Если онъ, узнавъ окончанія своего друга, и способенъ, повѣривъ его раскаянію, простить его, то отказъ отъ Сильвіи въ пользу Протея и такое явное невниманіе къ ея чувствамъ не имѣютъ уже никакого оправданія, особенно если принять въ разсчетъ самостоятельность характера этой дѣвушки.

Въ интересно задуманныхъ женскихъ фигурахъ пьесы, не смотря на нѣкоторые промахи въ исполненіи, уже чувствуется искусственная кисть Шекспира и его знаніе женской души. Характеръ Юліи, по вѣрному

заниманію одной писательницы *), производить впечатлѣніе, будто онъ написанъ въ разныхъ тонахъ: въ отдѣльныхъ сценахъ проявляется у нея какая-нибудь новая черта характера въ зависимости отъ ея настроенія. Шекспиръ словно еще не видѣтъ передъ собой ея сложнаго образа въ его цѣльности, какъ будто думаетъ, что женскіе характеры состоять изъ противорѣчій. Покрайнеймѣръ въ чтеніи репликъ Юліи не такъ ясно чувствуешь одну и ту же личность въ различныхъ сценахъ, какъ въ другихъ позднѣйшихъ женскихъ характерахъ Шекспира. Въ хорошенькой сценѣ съ Лючеттой, Юлія является передъ нами дѣвушкой избалованной своей красотой и ухаживателями, неопытной въ дѣлахъ любви и полной прихотливой, граціозной женственности. Въ ней чувствуется еще дѣвочка, несамостоятельная, радующаяся даже тѣни любовной интриги и старающаяся играть роль свѣтской дамы. И вотъ счастливая, жизнерадостная Юлія, полная дѣвичьей стыдливости и игриваго кокетства, сгораетъ отъ нетерпѣнія прочитать письмо Протея и въ то же время желаетъ, хотя бы въ глазахъ своей камеристки, знающей насквозь свою балованную госпожу, казаться вполнѣ равнодушной и неприступной. И обѣ дѣвушки, прекрасно понимающія другъ друга, разыгрываютъ между собою легкую, граціозную комедію. Хотя эта сцена съ письмомъ (Д. I, сц. 2-я) заимствована Шекспиромъ у Монтемайора, но тонкая психологическая отдѣлка принадлежитъ всецѣло молодому поэту. Открывая намъ впервые характеръ Юліи въ этой игривой сценѣ, Шекспиръ, быть можетъ, дѣлаетъ ошибку, такъ какъ читатель напрасно станетъ искать проявившіяся здѣсь черты характера въ дальнѣйшихъ сценахъ, гдѣ роль Юліи страдательная. При разлукѣ съ Протеемъ она такъ подавлена горемъ, что не можетъ сказать слова прощенія. Во время разлуки въ ней развивается порывистость страсти, и она рѣшается, пренебрегая общественнымъ мнѣніемъ, слѣдовать за своимъ возлюбленнымъ, не имѣя, впрочемъ, еще основанія сомнѣваться въ его вѣрности. Въ Миланѣ Юлія становится уже вполнѣ страдающей, романтической героиней: въ ней уже не остается и тѣни былого тщеславія и игривости, измѣняется и рѣчь ея, въ которой такъ прихотливо смѣшивалось искреннее чувство

съ легкою прелестью кокетства. Ей приходится узнать обѣ измѣнѣ Протея, присутствовать при серенадѣ въ честь Сильвіи, подвергать свое женское самолюбіе постояннымъ ударамъ,—и гордость ея вполнѣ подавлена. Любовь, овладѣвшая всѣмъ ея существомъ, доводитъ ее до такого самоуничиженія, что минутная вспышка женского инстинкта и прежней гордости, въ сценѣ съ портретомъ Сильвіи (Д. IV, сц. 4-я), отрадно дѣйствуетъ на читателя. Ревность беретъ свое, и былая пылкая Юлія выцапала бы глаза у портрета своей соперницы, если бы мягкая, отзывчивая Сильвія не сумѣла смягчить ея сердце. Въ заключительной сценѣ Юлія является свидѣтельницей гнусныхъ дѣйствій Протея, но и здѣсь не рѣшается открыть, кто она. Лишь когда Валентинъ отказывается отъ Сильвіи въ пользу Протея, мѣра страданія переполняется, и Юлія падаетъ безъ чувствъ. Узнанная окружающими, прия въ себя, она обрушивается на своего вѣроломнаго Протея со всей силой и порывистостью, какія мы могли ожидать отъ Юліи первого акта.

Юліи, по схемѣ пьесы, соответствуетъ дочь миланскаго герцога Сильвія. Характеръ ея, болѣе уравновѣшенный, чѣмъ характеръ Юліи, проведенъ въ пьесѣ послѣдовательнѣе, потому, можетъ быть, что мы почти не видимъ ея наединѣ съ собою: она постоянно окружена своей свитой, что должно, конечно, значительно сдерживать проявленія ея чувствъ. Обладая быстрымъ и острымъ умомъ, она вполнѣ самостоятельна въ своихъ дѣйствіяхъ. Какъ женщина высшаго круга, она прекрасно владѣетъ собой, никогда не роняетъ своего достоинства, даже въ то время, когда, полюбивъ Валентина, первая даетъ ему понять, что онъ ей нравится. Она хорошо знаетъ людей и человѣческое сердце, вѣрно оцѣниваетъ по достоинству хитраго Протея, умѣетъ, исполняя волю отца, сносить ухаживанія Туріо и быть любезной съ этимъ непріятнымъ для нея человѣкомъ,—кстати сказать,—типичнымъ женихомъ комедіи, богатымъ, недалекимъ и служащимъ мишеню для остротъ болѣе умныхъ ухаживателей. Вполнѣ обдуманно и глубоко полюбивъ Валентина и сознавая неодолимыя препятствія своему счастью, Сильвія готова на бѣгство съ нимъ, хотя при постороннихъ прекрасно владѣеть собой и не оказываетъ своему избраннику никакого предпочтенія передъ другими ухаживателями. Когда Валентинъ изгнанъ, ея рѣшительный харак-

*) Miss Grace Latham въ Jahrbuch der deutschen Shakespeare-Gesellschaft, XXVIII p. 20.

терь и сильная воля проявляются со всей рѣзкостью. Не долго думая, бросается она къ ногамъ отца, молитъ его, со всей страстью своей натуры, за своего возлюбленнаго, пуская все въ ходъ—и слезы, и жалобы, и стоны. Вѣгство ея къ Валентину также характерно для ея смѣлой, самостоятельной натуры и совсѣмъ не похоже на капризное желаніе Юліи слѣдоватъ за возлюбленнымъ. Со свойственной ей проницательностью она выбираетъ себѣ въ спутники Эгламура, умѣя затронуть слабыя струны этого человѣка, нѣкогда любившаго и утратившаго возлюбленную, покидаетъ дворъ и свое высокое положеніе вполнѣ сознательно и увѣренная въ правотѣ своего дѣла.

Комментаторовъ комедіи сильно затрудняла развязка, которую большинство ихъ находитъ слишкомъ торопливой, наивной съ психологической стороны, неправдоподобной и даже оскорбляющей нравственное чувство зрителей *). Минѣніе Гервинуса, находящаго, что въ этой развязкѣ „все про-веденено очень тонко, исполнено мѣткихъ характеристическихъ чертъ и изваяно, какъ говорится, изъ одного куска“ **), стоитъ особнякомъ среди сужденій другихъ критиковъ, хотя Гервинусъ признается, что въ сравненіи съ позднѣйшими твореніями Шекспира это всетаки легковѣсный товаръ. Не говоря уже о томъ, что вся послѣдняя сцена комедіи крайне слаба по выполнению, комментаторы останавливаются главнымъ образомъ на „раскаяніи“ Протея и на отказѣ Валентина отъ возлюбленной въ пользу раскаявшагося друга. Краснорѣчивая и искусная защита этихъ двухъ психологическихъ промаховъ Гервинусомъ въ концѣ концовъ малоубѣдительна. Критикъ указываетъ, что напряженный дружественный героизмъ, способность быстро ощущать и быстро дѣйствовать вполнѣ свойственны Валентину, который и по схемѣ пьесы, вмѣстѣ съ самоотверженной Юліей, по своему добродушію и незлобивости, служить противовѣсомъ хитрому и эгоистическому Протею. Въ порывѣ великодушія необдуманно рѣшается онъ на величайшую жертву, тѣмъ болѣе что, какъ человѣкъ, ставшій разбойникомъ, онъ не смѣеть и думать обѣ обладаніи Сильвіей. Протей же, говоритъ Гервинусъ, исправляется отъ

своихъ заблужденій, обсудивши достоинства своей Юліи, которая гораздо болѣе говоритъ его уму, нежели сердцу, и умѣеть мѣткимъ упрекомъ, если не пробудить въ немъ добрыя начала души, то, по крайней мѣрѣ, пробудить чувство собственного достоинства. Если Шекспиръ и хотѣлъ изобразить все то, что приписывается ему Гервинусъ, то во всякомъ случаѣ плохо мотивировалъ и чувства, и поступки дѣйствующихъ лицъ, такъ какъ поэтъ, обыкновенно подавляющій критическая способности читателя художественной правдой и силой впечатлѣнія, въ этой развязкѣ оставляетъ его съ чувствомъ полной неудовлетворенности и недоумѣнія. Комментаторы старались разными путями найти этому объясненіе. Объяснить эту сцену слишкомъ близкимъ слѣдованиемъ какому-нибудь источнику мы не имѣемъ данныхъ. Дауденъ полагаетъ, что если 5-й актъ вышелъ изъ-подъ пера Шекспира въ такомъ видѣ, то нужно думать, что онъ отдавалъ пьесу на сцену, когда еще часть ея оставалась въ видѣ небрежного наброска и развязку имѣлось въ виду разработать впослѣдствіи *). Гертцбергъ высказываетъ тутъ взглядъ, что пьеса подверглась передѣлкѣ или сокращенію какимъ-нибудь писателемъ-драма тургомъ елисаветинского вѣка. Возможно, по его мнѣнію, и то, что текстъ былъ составленъ съ недостаточной полнотой изъ списковъ отдѣльныхъ ролей актеровъ, и въ заключительной сценѣ получились пропуски, восстановить которые было бы трудно. Каррьеरъ думаетъ, что Шекспиръ могъ найти такую черту дружескаго героизма въ какой-нибудь испанской драмѣ, и тонко проводить свою гипотезу, указывая на то, что романтические разбойники и отказъ отъ возлюбленной изъ чувствъ дружбы не безъизвѣстны на испанской сценѣ **). Самые слова, въ которыхъ Валентинъ отказывается отъ своихъ правъ на Сильвію, нѣкоторые критики понимали въ томъ смыслѣ, что Валентинъ обѣщаетъ Протею только дружбу Сильвіи. Но при достаточнѣй ясности словъ Валентина, очевидно вѣрно понятыхъ Юліей, упавшей въ обморокъ, такія толкованія представляются на-тяжкой, да и вообще едва ли нужно оправдывать автора за юношескіе промахи его раннихъ пьесъ. Во всякомъ случаѣ всѣ

*) См. Жене—Шекспиръ его жизнь и сочиненія стр. 148; Bulthaupl «Dramaturgie der Classiker, Shakespeare» стр. XXXI.

**) Гервинусъ, Шекспиръ т. I, стр. 270.

*) Дауденъ—Шекспиръ. Критическое изслѣдованіе его мысли и его творчества, стр. 58.

**) Jahrbuch der D. Shakespeare-Gesell. VI, 367.